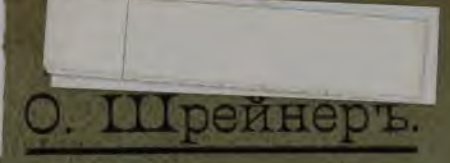
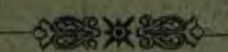

О. Шрейнеръ.

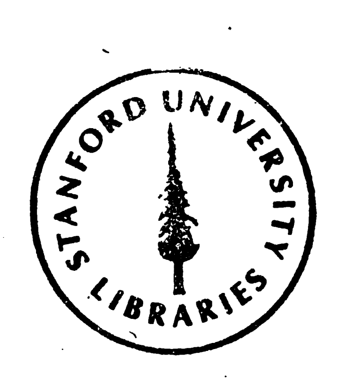
Грезы и сновидѣнія.

Переводъ съ седьмого англійскаго изданія
Ц. В.

ИЗДАНІЕ
С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «НАРОДНАЯ ПОЛЬЗА».
Коломенская ул., собств. домъ, № 39.
1900.

О. Шрейнеръ.

Грезы и сновидѣнія

Переводъ съ седьмого англійскаго изданія

Ц. В.

ИЗДАНІЕ

С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «НАРОДНАЯ ПОЛЬЗА».
Коломенская ул., собств. домъ, № 39.
1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15-го Сентября 1899 года.

Посвящаю эти сказки маленькой дѣвочкѣ, которая Богъ дастъ—доростетъ до болѣе зрѣлаго пониманія того, что пока для насъ еще не осязательно, но является намъ въ грёзахъ и мимолетныхъ видѣніяхъ.

O. Schreiner.

Matjesfontein
Cape Colony Sauth Africa
November 1890.

Потерянная радость.

День за днемъ тамъ, гдѣ лучи солнца играютъ на морскомъ берегу, сидѣла Жизнь.

День за днемъ зефиръ игралъ ея чудными волосами, и юный ликъ ея все смотрѣлъ въ воду. Она сидѣла и ждала; но она не могла бы сказать, чего она ждала.

День за днемъ волны катились и набѣгали на песокъ и также убѣгали назадъ, унося съ собой розовыя ракушки. А Жизнь все ждала.

Она сидѣла, отражая въ своихъ глазахъ солнце, и ждала до тѣхъ поръ, пока усталая склонила свою голову на колѣна и заснула.

Вотъ что-то пристало къ берегу, и на пескѣ раздался скрипъ шаговъ.

Жизнь услыхала ихъ и проснулась. Чья-то рука легла на ея плечо, и горячій трепетъ пробѣжалъ по всему ея тѣлу. Она взглянула и увидала передъ собой странные, широко раскрытые глаза Любви—и Жизнь узнала, кого ждала она здѣсь такъ долго.

И Любовь раскрыла свои объятія и прижала къ себѣ Жизнь. И отъ этого объятія родилось созданіе, рѣдкое и прекрасное! Радость; Первая Радость называлось оно.

Солнце казалось на свѣтлой поверхности воды не такъ прекрасно, розовые бутоны, распускающіе свои нѣжные лепестки для перваго поцѣлуя съ солнцемъ, не такъ румяны, какъ оно. Маленькое сердечко его билось часто, часто. Милое созданіе было такъ тепло и такъ нѣжно! Оно не говорило и не смѣялось, но все рѣзвилось на солнцѣ. И Жизнь и Любовь были безгранично счастливы.

Они не говорили этого другъ другу, но каждая изъ нихъ въ глубинѣ своего сердца говорила себѣ самой: «оно будетъ наше во вѣки».

Потомъ наступило время—прошли ли недѣли, прошли ли мѣсяцы?—Любовь и Жизнь не измѣряютъ времени—когда милое дитя ихъ стало другимъ, чѣмъ было прежде.

Оно такъ же рѣзвилось и радовалось и такъ же лакомилось румяными ягодами, но по временамъ маленькія ручки его вяло опускались внизъ и веселые глазки затуманивались слезами. И Жизнь и Любовь не смѣли смотрѣть другъ другу въ глаза, не смѣли спросить другъ друга: «что сталось съ нашимъ счастьемъ»? И только ихъ сердца нашептывали имъ: «ничего, это пройдетъ, завтра оно опять прояснится». Но проходили дни за днями, и дитя, игравшее возлѣ нихъ, становилось все задумчивѣе и тоскливѣе.

Однажды Жизнь и Любовь легли и заснули; и когда они проснулись, милаго созданія ихъ Радости уже не было. Только вблизи, на травѣ сидѣлъ какой-то маленькій незнакомецъ съ большими печальными и нѣжными глазами. Любовь и Жизнь не замѣтили его и прошли мимо,

горько плача: «о Радость, наша Радость, неужели мы потеряли тебя на вѣки!»

Маленькій странникъ съ грустными глазами потихоньку подошелъ къ нимъ, ласково взялъ обѣихъ за руку и притянулъ ихъ къ себѣ; и Жизнь, и Любовь пошли дальше, ведя его съ собой. Когда Жизнь въ тоскѣ опускала свой взоръ, она видѣла, какъ чудные глаза отражали ея слезы. И когда Любовь въ безумномъ отчаяніи вскрикивала: «Я устала, я изнемогаю. Я не могу идти далѣе. Свѣтъ позади насъ, впереди одна тьма»,—маленькій розовый пальчикъ указывалъ на вершины дальнихъ холмовъ, озаренныя солнечнымъ сіяніемъ. Большіе глаза были все также грустны и задумчивы и, на милыхъ устахъ его играла все та же спокойная и ободряющая улыбка.

Когда же Жизнь объ острые камни ранила свои ноги, незнакомецъ стиралъ кровь съ ея одѣянія и нѣжно цѣловалъ ея раны. И когда въ пустынѣ Любовь лежала въ изнеможеніи (ибо сама Любовь порою изнемогаетъ), онъ своими маленькими босыми ногами пробѣгалъ далеко по горячему песку и даже здѣсь въ пустынѣ находилъ воду въ разсѣлинахъ скалъ, чтобы утолить жажду Любви. Онъ не былъ въ тягость имъ—онъ ничѣмъ не стѣснялъ ихъ, и только поддерживалъ ихъ на ихъ тяжеломъ пути.

Когда Любовь и Жизнь пришли въ темное ущеліе, гдѣ со скалъ висѣли ледяныя сосульки—ибо Любовь и Жизнь проходятъ по удивительнымъ, ужаснымъ мѣстамъ—когда все кругомъ было ледъ и снѣгъ и стужа, маленькій странникъ прижималъ ихъ озябшія руки къ своему теплому сердечку и согрѣвалъ ихъ и потихоньку увлекалъ ихъ за собой все дальше и дальше.

Когда же они пришли въ страну солнца и цвѣтовъ,

большіе глаза его странно засвѣтились и лицо его озарилось ясной улыбкой. Весело перебѣгая по мягкой травѣ, онъ собиралъ для нихъ медъ въ дуплахъ деревьевъ и приносилъ его въ своей ладони, черпая имъ воду листьями лилій, рвалъ цвѣты и плелъ вѣнки на ихъ головы и тихо, и радостно смѣялся. Онъ трогалъ ихъ своей нѣжностью, какъ бывало трогала ихъ Радость, но ласки его были еще теплѣе.

Такъ продолжали они свое странствіе и проходили по мрачнымъ и по свѣтлымъ странамъ, и никогда не покидалъ ихъ милый и добрый спутникъ. Порой онѣ вспоминали первую лучезарную Радость и тихо вздыхали про себя: найдемъ ли, найдемъ ли мы тебя опять наша Радость?

Но, наконецъ, онѣ пришли туда, гдѣ возсѣдаетъ Мудрость, это старая странная женщина, задумчиво подпирающая своей рукой подбородокъ и тщательно собирающая изъ прошлаго лучи свѣта, чтобы озарить ими будущее.

И Жизнь и Любовь вскрикнули: «о Премудрая, повѣдай намъ: когда мы соединились впервые, у насъ было милое очаровательное созданіе—Радость, не омраченное ни одной слезинкой, солнечное сіяніе, не затемненное ни однимъ облачкомъ. Какъ прегрѣшили мы, что мы потеряли его? Куда намъ идти, чтобы найти его?

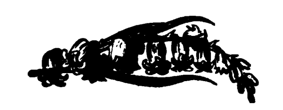
И мудрая старая женщина отвѣтила: —если вы найдете его, откажетесь ли вы отъ того, кто постоянно сопровождалъ васъ теперь? И Любовь и Жизнь вскричали въ отчаяніи: «нѣтъ, нѣтъ».

Отказаться отъ него?—сказала Жизнь. Кто же станетъ вынимать колючіе шипы изъ моего изъязвленнаго тѣла? Кто, въ минуты тяжелаго, кошмара положитъ свои нѣжныя

ручки на мое пылающее чело и въ дни холода и тьмы согрѣетъ мое озябшее сердце?

И Любовь закричала: «лучше умереть! Безъ Радости жизнь тяжела, безъ него—невозможна. Лучше умереть, чѣмъ потерять его»!

И старая мудрая женщина отвѣтила: «О слѣпцы и безумцы! То, чѣмъ вы обладали нѣкогда, есть то самое, чѣмъ обладаете теперь. Когда Любовь и Жизнь встрѣтились впервые, появилось на свѣтъ жизнерадостное созданіе—созданіе безъ печали и безъ тѣни. Но когда на жизненномъ пути появились терніи, когда тѣни сгустились, дни стали мрачнѣе, а ночи холоднѣе и длиннѣе, тогда понемногу оно начало измѣняться. Любовь и Жизнь не хотѣли видѣть этого, не хотѣли понять этого до тѣхъ поръ, покуда внезапно, очнувшись, онѣ не вскричали: «о, Боже, Боже! мы потеряли его! Гдѣ оно? Онѣ не хотятъ понять того, что рѣзвое дитя Радость не можетъ остаться неизмѣннымъ, слѣдуя за ними въ пустыни снѣга и стужи. Онѣ не знаютъ того, что тотъ, кто слѣдуетъ теперь за ними всюду, есть также Радость, только выросшая и возмужавшая, вѣрный спутникъ жизни, неутомимый и неустрашимый, нѣжный и любящій, теплый среди самыхъ глубокихъ снѣговъ, бодрый въ самыхъ знойныхъ пустыняхъ; имя его—Состраданіе, это—истинная Любовь.

ОХОТНИКЪ.

Въ одной долинѣ жилъ охотникъ. Изо дня въ день онъ охотился въ лѣсахъ за дичью. И случилось однажды, что онъ пришелъ къ берегу большого озера. Пока онъ стоялъ въ тростникѣ, ожидая приближенія птицы, на него упала большая тѣнь, и онъ увидалъ въ водѣ отраженіе. Онъ взглянулъ на небо, но видѣніе исчезло. Тогда имъ овладѣло жгучее желаніе увидѣть вновь это отраженіе въ водѣ, и онъ сталъ сторожить и ждать весь день; но наступила ночь и оно не возвращалось. И онъ вернулся домой со своей пустой сумкой и былъ печаленъ и молчаливъ. Товарищи его стали допытываться, какая тому причина, но онъ не отвѣчалъ имъ и сидѣлъ одинъ, предаваясь своей скорби. Потомъ пришелъ его другъ, и ему онъ сказалъ:

— Я видѣлъ сегодня то, что не видалъ еще никогда,—большую бѣлую птицу, парившую на своихъ серебристыхъ крыльяхъ въ безконечной синевѣ. И теперь я чувствую, какъ въ груди великое пламя пожираетъ меня. Это было мимолетное видѣніе, отраженіе въ водѣ, но те-

перь я не хочу ничего другого на свѣтѣ, какъ обладать имъ.

Его другъ засмѣялся:—Это былъ лучъ солнца, игравшій на водѣ, или тѣнь отъ твоей собственной головы,— сказалъ онъ,—до завтра ты забудешь о ней.

Но прошелъ день, другой и третій, а охотникъ все бродилъ одинъ. Онъ все искалъ по лѣсамъ и полямъ, по озерамъ и тростникамъ, но не находилъ того, что искалъ. Онъ не стрѣлялъ больше дичи, на что была она ему?

«Что съ нимъ?»—говорили его товарищи. «Онъ сошелъ съ ума»,—сказалъ одинъ. «Нѣтъ, хуже того,— сказалъ другой,—онъ хочетъ видѣть то, чего никто изъ насъ никогда не видѣлъ: онъ хочетъ чуда». «Пойдемъ, оставимъ его»,—сказали всѣ. И онъ остался одинъ.

Однажды, когда онъ бродилъ подъ ночною мглой, скорбя и плача, онъ увидалъ предъ собой старую женщину. Она была больше и выше смертныхъ.

— Кто ты? спросилъ ее охотникъ.

— Я—Мудрость,—отвѣтила старая женщина,—но нѣкоторые зовутъ меня Знаніемъ. Всю свою жизнь я провела въ этихъ долинахъ, но ни одинъ смертный не видитъ меня раньше, чѣмъ не познаетъ скорбь и страданіе; только очи, омытыя слезами, могутъ узрѣть меня, и я открываюсь только страждущимъ.

И охотникъ вскричалъ: О ты, жившая здѣсь столько времени, скажи мнѣ, какъ зовутъ ту огромную чудную птицу, которую я видѣлъ парящей въ поднебесьѣ? Меня хотятъ увѣрить, что это было только сновидѣніе, что я видѣлъ тѣнь отъ своей собственной головы.

Старая женщина улыбнулась.

Ея имя—Истина. Тотъ, кто видѣлъ ее однажды, ни-

когда болѣе не знаетъ покоя. До самой смерти своей онъ жаждетъ ея».

Охотникъ вскричалъ: «О, повѣдай мнѣ, гдѣ могу я найти ее?

Но Мудрость сказала: Ты еще не довольно страдалъ,—и она скрылась.

Тогда охотникъ вынулъ изъ груди своей челнокъ вooбраженія и намоталъ на него нить своихъ желаній; всю ночь онъ просидѣлъ и плелъ сѣть. Поутру онъ разостлалъ золотую сѣть по землѣ и бросилъ въ нее нѣсколько зеренъ легковѣрія, которыя ему оставилъ его отецъ и которыя онъ носилъ съ собою въ карманѣ. Зерна эти были какъ бѣленькіе дождевики и, когда наступали на нихъ, то изъ нихъ вылетала бурая пыль. И охотникъ сѣлъ рядомъ и сталъ наблюдать. Первой попалась въ сѣть бѣлоснѣжная птица съ голубиными глазами и звучнымъ голосомъ. Она пѣла: «Истина на небесахъ, Истина на небесахъ».

Второй попалась черная мистическая птица съ темными прекрасными глазами, смотрящими въ самую глубь души. Она пѣла все одно: «Безсмертіе»!

И охотникъ взялъ ихъ обѣихъ на руки, ибо сказалъ себѣ: навѣрное онѣ обѣ изъ чудной семьи истины.

Потомъ прилетѣла еще одна птица—зеленая съ золотомъ и запѣла пронзительнымъ голосомъ о наградѣ послѣ смерти.

И охотникъ сказалъ: Ты не такъ хороша, какъ первыя, но все же ты тоже хороша,—и взялъ къ себѣ и ее.

И прилетѣли еще другія разноцвѣтныя, веселыя, пѣвчія птички и клевали до тѣхъ поръ, пока не осталось больше зеренъ. Тогда охотникъ собралъ всѣхъ своихъ птицъ, сдѣлалъ крѣпкую желѣзную клѣтку и посадилъ ихъ въ нее. И со всѣхъ сторонъ съ пѣснями, съ пляс-

ками сталъ сходиться народъ и, увидѣвъ клѣтку, сталъ кричать: «О счастливецъ-охотникъ, чудо-человѣкъ. О прелестныя птицы, очаровательныя пѣсни!»

Но никто не спрашивалъ, откуда взялись эти птицы, ни какъ ихъ поймали. Они только пѣли и плясали вокругъ нихъ. И охотникъ тоже былъ радъ, потому что говорилъ себѣ: конечно между ними должна быть и Истина. Со временемъ птицы потеряютъ перья, и я увижу ея бѣлоснѣжную форму.

Но время проходило, народъ все плясалъ и пѣлъ, а охотнику становилось все тяжелѣе и тяжелѣе на сердцѣ. Опять онъ сталъ уединяться и тосковать, и опять ужасная жажда проснулась въ его груди. Однажды, когда онъ былъ одинъ и плакалъ, случилось, что онъ встрѣтилъ Мудрость. Онъ разсказалъ ей, что онъ сдѣлалъ. И Мудрость печально улыбнулась.

— Немало людей,—сказала она,—разставляли Истинѣ сѣть, но ни одинъ изъ нихъ не могъ найти ее. Истина не можетъ попасть въ эту сѣть, не можетъ дышать воздухомъ этихъ долинъ.—И охотникъ вскричалъ съ горечью:

— Значитъ, я долженъ сидѣть здѣсь до тѣхъ поръ, пока меня не сожретъ это страшное пламя?

И Мудрость сказала:

— Слушай, и я скажу тебѣ, ибо ты много страдалъ и много скорбѣлъ: тотъ, кто пускается въ поиски за правдой, навсегда долженъ покинуть эту долину суевѣрій, оставивъ въ ней все, что принадлежало ему, до послѣдняго лоскутка. Одинъ онъ долженъ перейти въ страну полнаго отреченія и самоотверженія, долженъ оставаться въ ней и бороться съ искушеніями, а когда займутся первые лучи свѣта, онъ долженъ встать и слѣдовать за ними въ сухую пустынную страну солнца. Тамъ передъ

нимъ встанутъ горы суровой Дѣйствительности; онъ долженъ взобраться на нихъ: Истина обитаетъ за ними.

— И онъ овладѣетъ ею? Онъ будетъ держать ее въ своихъ рукахъ?—вскрикнулъ охотникъ.

Мудрость покачала головой,

— Онъ никогда не увидитъ ее, никогда не будетъ держать ее въ своихъ рукахъ. Время еще не пришло.

— Значитъ, надежды нѣтъ?—вскричалъ охотникъ.

—Слушай,—сказала Мудрость.—Нѣкоторые уже всходили на эти горы; ступенька за ступенькой они взбирались по голымъ скаламъ и, подымаясь на тѣ высоты, имъ иногда случалось находить бѣлое серебристое перо, выпавшее изъ крыла Истины. И можетъ случиться,—сказала старая женщина, подымаясь и пророчески указывая пальцемъ на небо,—можетъ случиться, что когда человѣческими руками будетъ собрано довольно этихъ серебристыхъ перьевъ и изъ этихъ перьевъ будетъ свита веревка, а изъ веревки сѣть, что сѣть эта поймаетъ Истину. Только Истина можетъ удержать Истину.

Охотникъ поднялся.—Я пойду,—сказалъ онъ.

Но Мудрость удержала его.

— Помни,—сказала она,—кто однажды оставляетъ эту долину, никогда болѣе не возвращается. Хотя бы онъ семь дней и семь ночей плакалъ кровавыми слезами, онъ не можетъ больше перешагнуть черезъ границу. Разъ переступивъ ее, возврата ужъ нѣтъ. На томъ пути, на который ты собираешься ступить, не жди награды. Кто идетъ, идетъ свободно, ради великой любви, наполняющей его душу. Награда его—въ его трудѣ.

— Пойду,—сказалъ охотникъ,—но скажи мнѣ, когда я достигну горъ, то по какой тропѣ идти мнѣ?

— Я дочь накопленнаго вѣками Знанія,—сказала ста-

рая женщина.—Я могу проходить только тамъ, гдѣ прошло уже много людей. Только не многіе взбирались на эти высоты, и каждый прокладывалъ себѣ самъ свою стезю. Идущій туда, идетъ на свой страхъ; онъ не слышитъ болѣе моего голоса. Я могу слѣдовать за нимъ, но идти впереди не могу.

И Знаніе скрылось. И охотникъ повернулся и пошелъ къ своей клѣткѣ и своими руками сломалъ ея желѣзные прутья, и сломанное желѣзо жестоко порѣзало ему руки. Иногда созидать легче, чѣмъ разрушать.

Потомъ онъ сталъ вынимать всѣхъ своихъ птицъ, одну за другой, и пустилъ ихъ на волю. Но когда очередь дошла до загадочной темнокрылой птицы, то онъ долго держалъ ее и смотрѣлъ въ ея чудные, глубокіе глаза, и птица испустила свой звучный и таинственный крикъ: «безсмертіе». И онъ быстро проговорилъ: «Я не могу разстаться съ ней. Я спрячу ее къ себѣ и возьму ее съ собой». И онъ спряталъ ее на груди и прикрылъ своей одеждой.

Но маленькая птичка становилась все тяжелѣе и тяжелѣе, до тѣхъ поръ, покуда она не стала давить его грудь, какъ свинецъ. Онъ не могъ двигаться съ ней, не могъ выйти съ ней изъ долины. Тогда онъ снова вынулъ ее и сталъ смотрѣть на нее. «О, милая, ненаглядная,—сказалъ онъ съ тоскою,—развѣ мнѣ нельзя взять тебя съ собой?» Онъ печально раскрылъ руку. «Лети,—сказалъ онъ— можетъ случиться, что одна нотка въ пѣснѣ Истины будетъ звучать такъ, какъ твой милый голосъ, но я никогда не услышу ея».

Печально онъ раскрылъ руку, и птица улетѣла отъ него навсегда. Потомъ онъ досталъ челнокъ воображенія снялъ съ него нить своихъ желаній и бросилъ ее на земь;

пустой челнокъ онъ спряталъ у себя на груди, ибо нитъ была сдѣлана въ долинѣ, тогда какъ челнокъ достался ему изъ невѣдомой страны. И онъ былъ готовъ идти, но толпа обступила его съ крикомъ.

— Глупецъ, собака, помѣшанный,—кричали они,—какъ дерзнулъ ты сломать свою клѣтку, выпустить на волю всѣхъ своихъ птицъ?

Охотникъ что-то сказалъ, но его не хотѣли слушать.

— Истина! Что такое истина? Можешь ли ты ѣсть ее или пить? Кто когда-либо видѣлъ ее? Птицы твои были настоящія, живыя! Всѣ могли слышать ихъ пѣніе! О, глупецъ, гадина,—кричали они,—ты отравляешь воздухъ!

— Давайте побьемъ его каменьями,—кричали одни.

— Какое намъ дѣло до него?—говорили другіе.—Пусть, безумецъ, идетъ, куда хочетъ.—И они уходили отъ него. Но остальные начали собирать камни и грязь и стали закидывать его. И наконецъ, когда охотникъ былъ весь избитъ и израненъ, онъ потихоньку пробрался въ лѣсъ. Ночная мгла спустилась на долину, тѣни становились все гуще и гуще, а охотникъ все шелъ и шелъ. Наконецъ, онъ пришелъ къ самому краю той страны, въ которой завсегда бываетъ ночь. И онъ переступилъ черезъ границу, и глубокій мракъ окружилъ его. Онъ сталъ передъ собой нащупывать дорогу, но вѣтки, до которыхъ онъ дотрогивался, разсыпались и покрывали землю пепломъ. На каждомъ шагу ноги его вязли, и изъ подъ нихъ вылетало облако тончайшей неосязаемой пыли и обдавало ему лицо. И охотникъ сѣлъ на камень и закрылъ лицо руками, ожидая появленія свѣта въ этой странѣ мрака и самоотреченія. И сердце его также наполнилось мракомъ.

Потомъ изъ болота, справа и слѣва, сталъ подыматься холодный туманъ и со всѣхъ сторонъ окуталъ охот-

ника. Пошелъ мелкій невидимый дождь, и крупныя капли стали собираться на его волосахъ и одѣяніи. Сердце его билось медленно, всѣ члены его оцѣпенѣли. И онъ открылъ глаза и увидѣлъ вдали два веселыхъ пляшущихъ огонька. Онъ поднялъ голову, чтобы лучше разсмотрѣть ихъ, и увидѣлъ, что они подходятъ все ближе и ближе. Они грѣли, свѣтили и плясали точно огненныя звѣздочки. Наконецъ, они встали противъ него. Изъ самой середины одного изъ нихъ выглядывало лицо женщины съ ямочками на щекахъ, смѣющееся, окруженное золотистыми развѣвающимися волосама. Въ серединѣ другого пламени переливались веселыя журчащія струйки, пѣнившіяся, какъ вино въ стаканѣ. И оба плясали передъ нимъ.

— Кто вы,—спросилъ охотникъ,—явившіяся ко мнѣ въ моемъ одиночествѣ и въ мракѣ ночномъ?

— Мы близнецы—Чувственность и Сладострастіе,— вскричали онѣ.—Имя нашего отца—Человѣческая Плоть, имя нашей матери—Невоздержность. Мы такъ же стары какъ холмы и рѣки, такъ же древни, какъ первый человѣкъ. Но мы не умираемъ.

Онѣ засмѣялись.

— О, дай мнѣ обнять тебя,—вскричала первая,— мои руки нѣжны и теплы. Сердце твое замерло, но я отогрѣю его. О, приди ко мнѣ!

— Я волью въ тебя горячую жизнь свою,—сказала вторая,—мозгъ твой омертвѣлъ, члены онѣмѣли, но въ нихъ закипитъ сильная и свободная жизнь, дай мнѣ оживить тебя.

— О, слѣдуй за нами,—кричали онѣ, — и живи съ нами! Души, благороднѣе твоей, пребывали здѣсь во тьмѣ, въ ожиданіи, но онѣ пришли къ намъ, и мы пошли къ нимъ навстрѣчу; съ тѣхъ поръ онѣ никогда бо-

лѣе не покидали насъ. Все остальное—обманъ чувствъ, однѣ мы реальны, однѣ мы существуемъ. Истина—призракъ; долина суевѣрій—фарсъ; земля—прахъ и деревья гнилы. Но мы,—дотронься до насъ,—мы живы. Ты не можешь сомнѣваться въ нашемъ существованіи. Пощупай, сколько въ насъ теплоты. Приди къ намъ, иди съ нами!

И онѣ носились вокругъ его головы и все ближе и ближе надвигались на него. Холодныя капли на его лбу растекались, яркій свѣтъ рѣзалъ ему глаза и ослѣплялъ его, и замерзшая кровь его стала течь по его жиламъ. И онъ сказалъ:

— Зачѣмъ умирать мнѣ въ этой ужасной тьмѣ? Онѣ своей теплотой согрѣютъ мою замерзшую кровь.

Но въ это мгновеніе передъ нимъ пронесся чудный образъ, который онъ такъ любилъ, и у него опустились руки.

Онѣ продолжали кричать:—Иди, иди за нами!

Но онъ низко опустилъ свою голову.

— Вы ослѣпляете меня,—вскричалъ онъ,—вы согрѣваете мое сердце, но не можете дать мнѣ того, чего я такъ жажду. Я останусь здѣсь и буду ждать до самой смерти. Оставьте меня!

И онъ закрылъ лицо руками и не хотѣлъ больше слушать ихъ. Когда же онъ опять открылъ глаза, ихъ уже не было, и только два мерцающихъ огонька тихо исчезали въ пространствѣ.

И долгая, долгая ночь продолжала свое безконечное теченіе.

Всѣ, покидающіе долину суевѣрій, должны проходить черезъ эту страну ночи, но нѣкоторые остаются въ ней только нѣсколько дней, другіе томятся мѣсяцы, годы, и многіе умираютъ въ ней.

И, наконецъ, охотникъ увидѣлъ на самомъ горизонтѣ

слабое мерцаніе свѣта; онъ поднялся и пошелъ къ нему. И когда онъ добрался до него, онъ вступилъ въ яркое солнечное сіяніе. И передъ нимъ предстали могучія горы голыхъ Фактовъ и голой Дѣйствительности. Они были освѣщены бѣлымъ солнечнымъ свѣтомъ, и только вершины ихъ терялись въ облакахъ. И охотникъ увидалъ, что съ самаго подножья множество тропинокъ пробирается вверхъ по этимъ горамъ, и изъ груди его вырвался громкій, ликующій крикъ. Онъ выбралъ самую крутую изъ нихъ и сталъ подниматься по ней, и на скалахъ и горахъ раздалась его торжествующая пѣсня. Страхъ его прошелъ. Предостереженія были преувеличены. Было уже не такъ высоко и не такъ круто. Нѣсколько дней, нѣсколько недѣль, въ крайнемъ случаѣ нѣсколько мѣсяцевъ—и онъ достигнетъ вершины. И не одно только перо подыметъ онъ, нѣтъ, онъ соберетъ всѣ перья, найденныя другими людьми, сдѣлаетъ изъ нихъ сѣть и возьметъ въ плѣнъ Истину, онъ возьметъ ее въ свои руки, будетъ держать ее, будетъ держать ее крѣпко.

Онъ смѣялся подъ веселымъ яснымъ солнцемъ и громко пѣлъ. Побѣда была совсѣмъ близка.

Однако, немного спустя, тропинка стала круче. Дыханіе его стало тяжелѣе, и пѣсня его замерла. Справа и слѣва возвышались огромные голые утесы, на нихъ не было даже ни мху, ни лишаевъ, и изъ разсѣлинъ высохшей земли зіяли бездонныя пучины. То здѣсь, то тамъ попадались ему бѣлыя кости. А вотъ уже и тропинка еле стала обозначаться; теперь остался только одинъ слѣдъ, но, наконецъ, и онъ затерялся. Охотникъ уже не пѣлъ, онъ прокладывалъ себѣ впередъ дорогу, покуда онъ не дошелъ до огромной стѣны утесовъ, ровной, безпрерывной, тянувшейся, насколько могъ охва-

тить ее глазъ.—Я высѣку ступеньки въ этой стѣнѣ и, разъ взобравшись на нее, я буду почти у цѣли,—сказалъ онъ себѣ мужественно. И онъ принялся за работу. Онъ досталъ свой челнокъ воображенія и началъ долбить имъ ступеньки. Но мѣстами камни обсыпались, и иногда работа цѣлаго мѣсяца скатывалась въ бездну, потому что нижнія ступеньки были сдѣланы изъ плохого камня. Но охотникъ не переставалъ трудиться и говорилъ себѣ: «разъ поднявшись на эту стѣну, я буду почти у цѣли. Великій трудъ будетъ конченъ».

И, наконецъ, онъ взобрался на самую вершину и посмотрѣлъ вокругъ себя. Далеко подъ нимъ бѣлый туманъ клубился надъ долиной суевѣрія, а вверху надъ нимъ высились новыя громады горъ. Онѣ казались низкими прежде; теперь онѣ были неизмѣримой высоты. Съ вершины и до основанія ихъ окружали кряжи утесовъ, нагроможденные другъ на друга гигантскими кругами. И надъ нимъ сіяло вѣчное солнце.

И онъ испустилъ дикій, страшный крикъ. Онъ склонился къ землѣ и, когда онъ поднялся, лицо его было мертвенно блѣдно. И онъ продолжалъ свой путь въ глубокомъ молчаніи. Онъ не издавалъ ни одного звука. Рожденнымъ въ долинахъ трудно дышать разрѣженнымъ воздухомъ горъ; каждое вдыханіе причиняло ему страданія и на кончикахъ его пальцевъ выступила кровь.

И достигнувъ слѣдующей стѣны скалъ, онъ опять принялся за работу. Высота ея казалась безконечной, и онъ не произносилъ ни слова. День и ночь раздавался стукъ его орудія о желѣзныя скалы, въ которыхъ онъ высѣкалъ ступеньки. Года протекали за годами, и онъ не переставалъ работать; но стѣна передъ нимъ все такъ же подымалась къ самому небу. Временами онъ молился

о томъ, чтобы на этихъ голыхъ скалахъ появилось хоть немного мху или лишаевъ, чтобы въ нихъ найти себѣ товарищей; но мольбы его были напрасны. И года проходили за годами; онъ считалъ ихъ по числу ступенекъ, которыя онъ выдалбливалъ; на каждый годъ ихъ приходилось немного, совсѣмъ немного. Онъ больше не пѣлъ, онъ не говорилъ больше: «я сдѣлаю то или другое»,— онъ только работалъ. А по ночамъ, когда спускались сумерки, изъ пещеръ и разсѣлинъ скалъ на него выглядывали странныя, дикія рожи.

— Останови свою работу, одинокій человѣкъ, заговори съ нами,—кричали онѣ ему.

— Мое спасеніе въ трудѣ: если я остановлюсь хоть на минуту, вы всѣ насядете на меня,—отвѣтилъ онъ.

И онѣ еще больше протягивали свои длинныя шеи.

— Посмотри въ разсѣлины у твоихъ ногъ,—говорили онѣ,—что тамъ бѣлѣетъ? Это—кости! Такой же, какъ ты, отважный и сильный человѣкъ всходилъ на эти скалы. Но когда онъ взглянулъ наверхъ, онъ увидѣлъ, что стремленія его напрасны, что онъ никогда не будетъ обладать правдой, что никогда не увидитъ ее, никогда не найдетъ ее. И тогда онъ легъ здѣсь, потому что былъ въ изнеможеніи. Онъ легъ, чтобы заснуть на вѣки. Онъ самъ усыпилъ себя. Сонъ—успокоеніе. Спящій не одинокъ, и руки и сердце его не чувствуютъ боли.

И охотникъ засмѣялся, стиснувъ зубы. Онъ сказалъ:

— Неужели теперь, послѣ того, какъ я вырвалъ изъ сердца все, что было у меня самаго дорогаго, скитался въ странѣ ночи, поборолъ искушенія, работалъ одинъ, гдѣ никогда не раздавался голосъ человѣческій, неужели теперь я лягу здѣсь для того, чтобы сдѣлаться вашей добычей, вы, эхидны?

Онъ громко захохоталъ, и Отголоски Отчаянія исчезли, ибо смѣхъ мужественнаго сильнаго сердца наноситъ имъ смертельный ударъ.

Однако, немного спустя, они опять выползли и уставились на него. Знаешь ли ты, что волосы твои бѣлы,—сказали они, — что рука твоя дрожитъ, какъ у ребенка? Видѣлъ ли ты, что кончикъ твоего челнока притупился, что онъ совсѣмъ откололся. Если только ты взберешься на слѣдующую ступеньку,—говорили они,—это будетъ твоей послѣдней ступенькой. Выше ты никогда не поднимешься. И онъ отвѣтилъ имъ:—Я это знаю,—и продолжалъ свое дѣло.

Старческія худыя руки его плохо и неровно тесали камень, пальцы его скорчились и окостенѣли. Вся сила и красота этого человѣка исчезла.

И, наконецъ, изъ-за стѣны утесовъ выглянуло старое, высохшее и сморщенное лицо. Оно увидѣло, что передъ нимъ новыя цѣпи вѣчныхъ горъ вздымаются къ небу и теряются въ бѣлыхъ облакахъ, но дѣло *его* жизни было свершено. Старый охотникъ сложилъ свои усталыя руки и легъ на краю бездны, у которой онъ проработалъ всю свою жизнь. Теперь, наконецъ, для него наступило время отдыха. Внизу подъ нимъ густой бѣлый туманъ вился надъ долинами, и когда онъ прорвался въ одномъ мѣстѣ, глаза умирающаго охотника увидали поля, деревья и луга, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство. Издалека до него доносились крики его прежнихъ птицъ и шумъ и пѣсни пляшущей толпы. И ему показалось, что онъ слышитъ голоса своихъ старыхъ товарищей и далеко, далеко видитъ свой родительскій домъ, озаренный солнечнымъ свѣтомъ. И крупныя слезы выступили на глазахъ охотника.

— Тѣ, которые умираютъ тамъ, внизу, умираютъ не одни,—вскричалъ онъ.

Потомъ опять все заволоклось туманомъ, и онъ отвернулся. Я искалъ, — сказалъ онъ, — я упорно трудился долгіе годы, но я не нашелъ ея. Я не отдыхалъ, не роп талъ и не видѣлъ ея. Теперь всѣ мои силы ушли. На мѣсто, гдѣ я лягу, истощенный, придутъ другіе люди, молодые и свѣжіе. Они придутъ по слѣдамъ, проложеннымъ мною, взберутся на верхъ по ступенькамъ, высѣченнымъ мною. Они никогда не узнаютъ имени человѣка, сдѣлавшаго ихъ. Они будутъ смѣяться надъ моей неуклюжей работой. Когда будутъ обваливаться камни, они будутъ проклинать меня. Но они взойдутъ по *моей* лѣстницѣ, они поднимутся благодаря *моей* работѣ! Они найдутъ Ее и съ моей помощью! Ни одинъ человѣкъ не живетъ для себя одного и ни одинъ не умираетъ только для себя.

Изъ подъ морщинистыхъ вѣкъ его полились слезы. Если бы въ этотъ часъ надъ нимъ въ облакахъ появилась Истина, онъ не могъ бы увидѣть ее: мракъ смерти застилалъ ему глаза.

Моя душа слышитъ радостное приближеніе ихъ шаговъ,—сказалъ онъ,—и они взойдутъ, они взойдутъ!

Онъ поднесъ къ глазамъ свою сморщенную руку.

И изъ облачнаго неба что-то упало и медленно стало опускаться въ тихомъ неподвижномъ воздухѣ. Беззвучно оно упало внизъ и мягко легло на грудь умирающаго человѣка. Онъ пощупалъ рукой — это было перо. Онъ умеръ, держа его въ своихъ рукахъ.

Среди райскихъ садовъ.

Она шла по цвѣтущимъ райскимъ садамъ; чудный ароматъ цвѣтовъ наполнялъ воздухъ, и она срывала цвѣтокъ за цвѣткомъ.

Вдругъ Долгъ со своими блѣдными строгими чертами предсталъ передъ ней и взглянулъ на нее. И она перестала собирать цвѣты, но продолжала идти среди нихъ, улыбаясь и радуясь, и руки ея были полны цвѣтовъ.

И Долгъ снова явился къ ней и посмотрѣлъ на нее, а она... она отвернулась и пошла прочь отъ него.

Когда же она еще разъ увидала его холодное блѣдное лицо, она выронила самые прекрасные цвѣты, которые были у нея въ рукахъ, и молча пошла дальше.

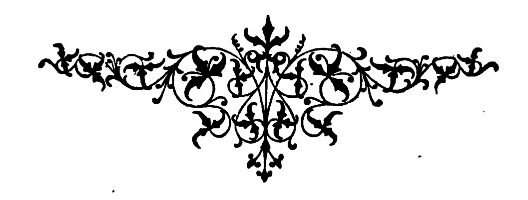
Но онъ опять вернулся къ ней. Она испустила стонъ, низко наклонила голову и повернула къ выходу. Но, когда она вышла и оглянулась и въ солнечномъ сіяніи увидала свои любимые цвѣты, она горько заплакала.

И она вышла изъ сада, и двери его навсегда закрылись за ней, но у нея оставались еще въ рукахъ тѣ

цвѣты и бутоны, которые она собрала въ саду, и они распространяли свое нѣжное благоуханіе въ пустынѣ. Но Долгъ неотступно слѣдовалъ за нею. Снова онъ предсталъ передъ нею со своимъ блѣднымъ мертвеннымъ лицомъ; и она знала, зачѣмъ онъ пришелъ. Она раскрыла обѣ руки и выпустила всѣ свои цвѣты, тѣ цвѣты, которые она такъ любила, и пошла безъ нихъ съ сухими воспаленными глазами.

И наконецъ онъ приходитъ еще въ послѣдній разъ. Она показываетъ ему свои пустыя руки: вѣдь въ нихъ не осталось больше ничего. Но онъ все продолжаетъ смотрѣть на нее. Тогда наконецъ она распахиваетъ свою одежду на груди, достаетъ оттуда маленькій цвѣточекъ, который она схоронила тамъ, и кладетъ его на землю. Теперь ей больше нечего давать...

И она пошла дальше, и сѣрый песокъ пустыни вихремъ закружился вокругъ нея.

Въ далекомъ мірѣ.

Есть міръ на одномъ изъ далекихъ созвѣздій, и тамъ случаются вещи, какія не случаются здѣсь у насъ.

Въ этомъ мірѣ были мужчина и женщина; у нихъ было одно общее дѣло, они шли рука объ руку и были друзьями—и это явленіе, которое изрѣдка встрѣчается и въ нашемъ мірѣ.

Но въ этомъ звѣздномъ мірѣ было нѣчто, чего не бываетъ у насъ. Тамъ былъ дремучій лѣсъ; деревья въ немъ росли такъ густо, что стволы ихъ переплетались между собой и лѣтнее солнце никогда не заглядывало въ него. Въ этомъ лѣсу былъ храмъ. Днемъ все бывало спокойно; но ночью, когда загорались звѣзды и лунный свѣтъ серебрилъ верхушки деревьевъ и все утихало внизу, если въ

эту ночную пору кто-нибудь одинъ одинешенекъ пробирался къ храму, преклонялъ колѣна на каменныхъ ступеняхъ алтаря и, обнажая грудь, наносилъ себѣ такую рану, что кровь капала на ступеньки алтаря, тогда, что — бы ни пожелалъ преклонившій колѣна, желаніе его исполнялось. И все это, какъ сказано, случается тамъ потому, что это далекій міръ и что дѣла тамъ часто происходятъ не такъ, какъ онѣ происходятъ у насъ.

Итакъ, мужчина и женщина не покидали другъ друга, и женщина желала наилучшаго въ мірѣ своему другу и товарищу. Однажды ночью, когда отъ луннаго свѣта блестѣли всѣ листья на деревьяхъ и серебрились волны на морѣ, женщина отправилась въ лѣсъ.

Тамъ было темно; только кое-гдѣ сухіе листья подъ ея ногами освѣщались маленькими пятнами луннаго свѣта; а надъ головой ея вѣтки густо переплетались. Но чѣмъ дальше она шла, тѣмъ становилось темнѣе и, наконецъ, ни одинъ лучъ не проникалъ больше въ чащу. Тогда она пришла къ храму. Она преклонилась предъ алтаремъ, но отвѣта не было. И она обнажила свою грудь и сдѣлала на ней рану острымъ камнемъ, лежавшимъ тутъ-же. Медленно закапала кровь на каменистыя ступени, и какой-то голосъ сказалъ: «Чего ты хочешь»? Она отвѣтила: Есть юноша, который мнѣ дороже всѣхъ остальныхъ въ мірѣ. Я хотѣла бы ему дать наивысшее изъ всѣхъ благъ».

Голосъ спросилъ: «какое именно»?

Дѣвушка сказала: «Я не знаю сама, но я хотѣла бы, чтобы ему было дано то, что для него будетъ наилучшимъ».

Голосъ отвѣчалъ: «Твоя молитва услышана: онъ получитъ то, о чемъ ты просила».

Тогда дѣвушка встала. Она прикрыла грудь своей одеждой и, плотно сдерживая ее одной рукой, выбѣжала изъ лѣса такъ быстро, что изъ подъ ногъ ея вихремъ вылетали сухіе листья.

Тамъ за лѣсомъ было лунное сіяніе, дулъ тихій вѣтерокъ и на морскомъ берегу сверкалъ песокъ.

Она побѣжала по ровному берегу и внезапно остановилась. Вдали на водѣ что-то двигалось. Она осѣнила глаза рукой и стала вглядываться. Это была лодка; она быстро скользила по зеркальной поверхности моря. Кто-то стоялъ въ ней во весь ростъ; луна не освѣщала лица, но она узнала его фигуру.

Лодка быстро удалялась; казалось, что она движется сама собой; при мерцаніи луннаго свѣта нельзя было разобрать въ точности, притомъ же лодка была далеко отъ берега, но казалось, будто у кормы сидитъ еще кто-то. Лодка скользила по водѣ все быстрѣе и быстрѣе и уходила въ море все дальше и дальше. Дѣвушка бѣжала вдоль берега, но не приближалась къ лодкѣ. Одежда на груди ея распахнулась, она протянула впередъ обѣ руки и ея длинные, блестящіе на лунномъ свѣтѣ, волосы разсыпались по плечамъ и спинѣ.

И она услышала подлѣ себя голосъ. Онъ спросилъ ее: «Что случилось»?

Она вскричала: «Своей кровью я купила для него наилучшій изъ всѣхъ даровъ. Я пришла сюда, чтобы передать ему этотъ даръ, а онъ... онъ уходитъ отъ меня».

Голосъ прошепталъ: «Молитва твоя услышана, ему уже дано то, о чемъ ты просила».

Она вскричала: «*Что* дано ему»?

Голосъ отвѣтилъ: «То, чтобы онъ оставилъ тебя».

Дѣвушка остановилась и замерла.

Далеко въ морѣ лодка исчезала за чертой луннаго сіянія. И голосъ мягко спросилъ дѣвушку: «Довольна ли ты»?

Она сказала: «Я довольна».

У ногъ ея волны набѣгали одна за другой и тихо разбивались о морской берегъ.

Три сновидѣнія въ пустынѣ.

Подъ мимозой.

Однажды я проѣзжалъ по африканской равнинѣ подъ палящими лучами знойнаго солнца. Я повелъ свою лошадь подъ мимозовое дерево, снялъ сѣдло и пустилъ ее въ засохшій кустарникъ. Далеко кругомъ простиралась бурая обгорѣвшая земля. И я сѣлъ подъ дерево, потому что жара была нестерпима. Скоро тяжелая дремота овладѣла мною; я прислонился головой къ сѣдлу и заснулъ. И мнѣ приснился странный сонъ.

Мнѣ снилось, что я стою на краю пустыни и вѣтеръ со всѣхъ сторонъ заноситъ ее пескомъ. И я увидѣлъ два огромныхъ тѣла, подобныхъ вьючнымъ животнымъ пустыни; одно изъ нихъ лежало, распростертое на пескѣ, а другое стояло возлѣ него. И я, съ любопытствомъ, сталъ вглядываться въ лежащее на пескѣ тѣло, ибо замѣтилъ на его спинѣ страшное бремя и такой слой песку, что, казалось, онъ образовался надъ немъ вѣками. И я смотрѣлъ

и дивился. И кто—то стоялъ молча около меня. И я спросилъ его: кто это огромное существо, распростертое здѣсь на пескѣ? И онъ сказалъ: это женщина, та, которая въ своемъ тѣлѣ вынашиваетъ человѣка.

— Почему лежитъ она здѣсь безъ движенія, вся занесенная пескомъ?

— Слушай, я разскажу тебѣ: прошли вѣка и вѣка съ тѣхъ поръ, какъ она лежитъ на этомъ мѣстѣ и какъ вѣтеръ проносится надъ нею. Самый старый, старый человѣкъ никогда не видалъ, чтобы она пошевельнулась, и самая древняя книга повѣствуетъ, что она лежала здѣсь такъ же и тогда, какъ она лежитъ теперь, вся занесенная пескомъ. Но слушай, древнѣе самой древней книги, старѣе воспоминаній самаго стараго человѣка, найдены слѣды ея ногъ на Утесахъ Человѣческой Рѣчи, на обломкахъ твердаго камня Древнихъ Обычаевъ, еще уцѣлѣвшихъ до нашихъ дней. Тамъ ты найдешь слѣды ея ногъ рядомъ со слѣдами того, который стоитъ подлѣ нея. И знай, что она, лежащая теперь въ прахѣ, нѣкогда была свободна и рука объ руку съ нимъ странствовала по горамъ и доламъ.

Я спросилъ: почему же лежитъ она теперь?

Онъ сказалъ: много столѣтій тому назадъ Вѣкъ мускульной силы настигъ ее, когда, склонившись надъ своимъ младенцемъ, она кормила его своей грудью, и онъ взвалилъ на ея широкую спину бремя Покорности и привязалъ его крѣпкими узами неумолимой Необходимости. Когда же, оглянувшись на небо и на землю, она поняла, что для нея нѣтъ больше надежды, она приникла къ землѣ подъ тяжестью бремени, отъ котораго не могла освободиться, и съ той поры она лежитъ здѣсь недвижно. Вѣка проходили за вѣками, но узы неумолимой Необходимости не ослабѣвали.

И я посмотрѣлъ ей въ глаза и увидѣлъ въ нихъ страшное вѣковое терпѣніе. Земля подъ нею была омочена ея слезами и ноздри ея вздували песокъ.

И я сказалъ: пыталась ли она когда-нибудь сдѣлать движеніе?

Онъ отвѣтилъ: по временамъ одинъ или другой изъ ея членовъ шевелился. Но она умна: она знаетъ, что ей не встать, пока бремя лежитъ на ней.

Я спросилъ: отчего же тотъ, кто стоитъ подлѣ нея, не оставитъ ее и не уйдетъ?

— Онъ не можетъ,—сказалъ онъ,—посмотри...

И на землѣ между ними я увидалъ широкую связку, соединявшую ихъ вмѣстѣ.

— Пока она лежитъ, онъ долженъ стоять и озираться въ пустынѣ.

И я спросилъ: знаетъ ли онъ, почему онъ не можетъ двигаться?

Онъ отвѣтилъ: нѣтъ.

И я услышалъ звукъ чего-то треснувшаго и, оглянувшись, увидалъ, что узы, прикрѣплявшія къ ея спинѣ бремя, порвались и бремя скатилось на землю.

И я спросилъ: что это?

Онъ отвѣтилъ: это умеръ Вѣкъ мышечной силы. Его убилъ своимъ ножомъ Вѣкъ нервной силы. Неслышно и невидно онъ пробрался къ женщинѣ и своимъ ножомъ Механическихъ Изобрѣтеній разрѣзалъ узы, привязывавшія къ ея спинѣ бремя. Неумолимая Необходимость сломлена. Теперь она можетъ встать.

И я видѣлъ, что все еще недвижимая, она продолжала лежать на пескѣ съ открытыми глазами и вытянутой шеей. Казалось, что она что то высматривала на самомъ дальнемъ краю пустыни, но это что-то не появля-

лось. И мнѣ захотѣлось знать, спитъ ли она, или бодрствуетъ. И, взглянувъ на нее, я замѣтилъ, что тѣло ея дрогнуло и глаза ея засвѣтились, какъ освѣщается темная комната внезапно ворвавшимся лучомъ солнца.

И я спросилъ: что это?

Онъ шепнулъ мнѣ: тсс.. ей пришла мысль, не можетъ ли она подняться?

И я глядѣлъ. Она приподняла голову, и въ пескѣ я увидалъ углубленіе, въ которомъ такъ долго лежала ея голова. Она взглянула на землю, потомъ на небо, потомъ па него, стоявшаго возлѣ нея, но взоры его были обращены вглубь пустыни. И я опять замѣтилъ, какъ трепетъ пробѣжалъ по ея тѣлу и она прижалась колѣнами къ землѣ такъ, что па нихъ выступили жилы, и я вскричалъ: она сейчасъ встанетъ!

Но только бока ея вздымались и она продолжала лежать попрежнему. Но голову свою она держала вверхъ, она больше не опускала ее. И стоявшій около меня сказалъ мнѣ: она слишкомъ слаба. Посмотри, отъ долгаго лежанія у ней отнялись ноги. И я видѣлъ, какъ существо это боролось и какъ капли пота выступили на немъ.

И я сказалъ: конечно, тотъ, который стоитъ около нея, поможетъ ей?

Но стоявшій подлѣ меня отвѣтилъ мнѣ: онъ не можетъ помочь ей, *она сама должна помочь себѣ.* Пусть она борется до тѣхъ поръ, пока не окрѣпнетъ.

Я вскричалъ: по крайней мѣрѣ онъ не будетъ мѣшать ей! Смотри, онъ отходитъ отъ нея, онъ натягиваетъ связку и пригибаетъ ее къ землѣ.

Онъ сказалъ: онъ не сознаетъ, что дѣлаетъ. Когда она шевелится, она дергаетъ связку и безпокоитъ его, такъ что онъ невольно удаляется отъ нея. Настанетъ день,

когда онъ начнетъ понимать и узнаетъ, что она дѣлаетъ. Пусть только она приподымется на колѣна, и въ тотъ день онъ приблизится къ ней и съ сочувствіемъ посмотритъ ей въ глаза.

И она вытянула шею, и капли упали съ ея лба на песокъ. Она приподнялась на вершокъ и опять опустилась.

И я вскрикнулъ: ахъ, она слишкомъ слаба! Она не можетъ ходить. Долгіе годы лишили ее всей ея силы. Она никогда не сдвинется?

Онъ сказалъ мнѣ: посмотри, какой свѣтъ въ ея глазахъ.

И медленно, медленно существо это зашаталось и, наконецъ, приподнялось на колѣна.

И я проснулся. Далеко кругомъ разстилалась голая земля съ высохшими на ней кустами. Муравьи ползали взадъ и впередъ по красному песку, и жара стояла невыносимая. Я посмотрѣлъ на небо, вытянулся и сталъ размышлять о видѣнномъ снѣ. И подъ палящимъ полуденнымъ зноемъ я опять опустилъ голову на сѣдло и заснулъ. И я увидѣлъ другой сонъ.

Я видѣлъ пустыню и въ ней женщину. Она приближалась издалека и шла къ берегу темной рѣки. И берегъ былъ обрывистъ и высокъ [1]). И на немъ она встрѣтила старца съ длинной бѣлой бородой и посохомъ въ рукѣ, на которомъ было написано: «разумъ». И онъ спросилъ ее, зачѣмъ она пришла.

Она отвѣтила: Я женщина, и ищу страну свободы.

— Она передъ тобой.

---

[1]) Берега африканскихъ рѣкъ мѣстами достигаютъ ста футовъ высоты и состоятъ изъ глубокихъ наносныхъ песковъ, сквозь которые рѣки въ теченіи вѣковъ прокладываютъ свои гигантскія русла.

— Я передъ собой не вижу ничего, кромѣ темной бѣгущей рѣки съ высокимъ крутымъ берегомъ и тяжелымъ сыпучимъ пескомъ.

— А далѣе?

— Я ничего не вижу; только временами, когда я осѣняю глаза рукою, мнѣ на другомъ далекомъ берегу мерещатся деревья, холмы и сіяющее надъ ними солнце.

— Это страна свободы.

— Какъ могу я достигнуть ея?

— Къ ней ведетъ только одинъ путь: это—внизъ по крутой и каменистой стезѣ труда и сквозь воды страданій. Другого пути нѣтъ.

— А моста тамъ нѣтъ?

— Нѣтъ.

— А вода глубокая?

— Глубокая.

— А дно гладкое?

— Гладкое; твоя нога пять разъ поскользнется и ты, можетъ быть, погибнешь.

— Переправлялся-ли уже кто-нибудь на ту сторону?

— Нѣкоторые *пытались*.

— Есть-ли какіе - нибудь слѣды, указывающіе, гдѣ лучше можно перейти въ бродъ?

— Они еще никѣмъ не проложены.

Она осѣнила глаза рукою и сказала: пойду. Но старецъ остановилъ ее:

— Тогда ты должна сбросить одежду, которую ты носила въ пустынѣ, ибо въ водѣ ее потянетъ ко дну.

И она радостно сбросила съ себя плащъ древнихъ укоренившихся мнѣній, весь изношенный и дырявый, сняла съ себя поясъ, которымъ она такъ долго украшала себя, и изъ-подъ него вылетѣлъ цѣлый рой моли.

И старецъ продолжалъ: скинь съ ногъ своихъ обувь подвластности.

И она стояла почти нагая, только бѣлое легкое одѣяніе облекало ее.

— Это платье ты можешь оставить на себѣ: въ странѣ свободы всѣ ходятъ такъ. Оно не тонетъ, оно всегда поднимается на поверхность воды.

И я увидѣлъ, что на этомъ одѣяніи на груди было написано «истина». Оно было бѣлое, солнце нечасто свѣтило на него, верхнія платья прикрывали его.

И старецъ сказалъ женщинѣ: возьми этотъ посохъ и держи его крѣпко. Въ тотъ день, когда онъ выскользнетъ изъ твоихъ рукъ, ты погибнешь. Ставь его передъ собой и нащупывай имъ дорогу и тамъ, гдѣ онъ не достанетъ дна, не ставь своей ноги.

И она сказала: я готова въ путь.

Но онъ остановилъ ее: нѣтъ, подожди, что у тебя у груди?

Она молчала.

— Раскройся и дай мнѣ посмотрѣть.

И когда она раскрылась, я увидалъ у ея груди крошечное созданіе, прильнувшее къ ней; золотые кудри сбились на его головкѣ, колѣнки согнулись и прижались къ ней, а рученки его крѣпко ухватились за ея грудь.

И Разумъ спросилъ: кто онъ и что здѣсь дѣлаетъ?

— Посмотри на его крылышки,—сказала она.

— Отними его.

— Онъ заснулъ и сосетъ. Я возьму его съ собой въ страну свободы. Онъ еще ребенокъ; я такъ долго, такъ долго лелѣяла его. Въ странѣ свободы онъ сдѣлается мужемъ. Мы будемъ ходить съ нимъ рука объ руку и онъ осѣнитъ меня своими большими бѣлыми крыльями. Одно

только слово «страсть» шепталъ онъ мнѣ въ пустынѣ. Я мечтала, что, можетъ быть, въ той странѣ онъ научится говорить «дружба».

— Спусти его!

— Я понесу его вотъ такъ, одной рукой, другой буду грести воду.

— Спусти его на земь. Когда ты будешь въ водѣ, ты забудешь, что тебѣ надо бороться и будешь думать только о немъ. Положи его на земь. Онъ не умретъ. Когда онъ почувствуетъ, что ты оставила его одного, онъ распустилъ свои крылья и полетитъ. Онъ будетъ раньше тебя въ странѣ свободы. Тѣ, которые достигаютъ страны свободы, знаютъ, что первая рука помощи, протянутая имъ съ того берега, есть рука «любви». Онъ будетъ мужемъ тогда и не будетъ болѣе младенцемъ. У груди твоей онъ не можетъ возмужать. Спусти его, чтобы онъ могъ выросги.

И она отняла его отъ своей груди, и онъ укусилъ ее такъ, что кровь капнула на землю. И она положила его и прикрыла свою рану. Потомъ она наклонилась надъ нимъ и погладила его крылышки. И я увидѣлъ, какъ волосы на ея челѣ побѣлѣли какъ снѣгъ и она изъ молодой превратилась въ старую женщину.

И она стояла на самомъ краю берега и вскричала:

— Зачѣмъ иду я въ эту далекую страну, которую еще никто никогда не достигалъ? О, какъ одинока я, какъ безгранично одинока!

И Разумъ, этотъ сѣдой старецъ, сказалъ ей:

— Тсс... Слышишь ли ты что-нибудь? Она напряженно прислушалась и сказала; я слышу шаги тысячъ и десятковъ тысячъ ногъ; они вышли на эту дорогу.

— Это шаги тѣхъ, которые слѣдуютъ за тобой. Иди

впередъ. Проложи слѣдъ къ краю воды. Тамъ, гдѣ ты стоишь теперь, дорога будетъ выровнена тысячами и сотнями тысячъ ногъ.

И онъ продолжалъ: видѣла ли ты, какъ саранча переправляется черезъ потокъ? Сначала одна спускается къ водѣ, и ее уноситъ теченіемъ, за ней идетъ другая, затѣмъ третья, четвертая и т. д. и, наконецъ, изъ массы нагроможденныхъ тѣлъ образуется мостъ, по которому переходятъ всѣ остальныя.

— А первыя, которыхъ уноситъ теченіе и которыя навсегда пропадаютъ безъ вѣсти, тѣла ихъ даже не служатъ мостомъ для переправы другихъ?

— И уносятся теченіемъ и пропадаютъ безъ вѣсти. И что же изъ этого?

— И что же изъ этого... —сказала она.

— Онѣ прокладываютъ стезю къ краю воды.

— Онѣ прокладываютъ стезю къ краю воды... А по мосту, который будетъ построенъ изъ нашихъ тѣлъ, кто перейдетъ?

— Весь человѣческій родъ.

И женщина схватила посохъ и пошла.

И я видѣлъ, какъ она спустилась по крутому берегу къ темной рѣкѣ.

И я проснулся. Все вокругъ меня было залито желтымъ свѣтомъ заходящаго солнца, и торчавшіе, какъ пальцы, сучки бѣлесоватыхъ кустовъ такъ и свѣтились. Лошадь моя мирно паслась возлѣ меня. Я повернулся на бокъ и сталъ наблюдать муравьевъ, цѣлыми миріадами сновавшихъ по красному песку. И я подумалъ, что мнѣ пора пуститься въ путь — время стало прохладнѣй. Но тяжелая дремота опять сковала мои члены, голова моя опустилась, и я заснулъ еще разъ. И мнѣ приснился сонъ.

Мнѣ снилось, что я вижу страну, и на холмахъ ея рука объ руку ходили свободные и счастливые женщины и мужчины. И они смотрѣли другъ другу въ глаза, и въ нихъ не было страха. И я видѣлъ, что женщины между собою тоже всѣ держались за руку. И я спросилъ стоявшаго подлѣ меня:

— Какая это страна?

— Онъ сказалъ: это страна свободы.

— Я спросилъ: гдѣ она?

— Онъ отвѣтилъ: на землѣ.

— Я спросилъ: когда достигнутъ ея люди?

— Онъ отвѣтилъ: въ грядущемъ.

И когда я проснулся, я увидалъ все вокругъ себя озареннымъ вечернимъ свѣтомъ; на низкихъ холмахъ лежало заходящее солнце, муравьи медленно тащились домой, и чудная прохлада разлилась въ воздухѣ. Я подошелъ къ своей лошади, которая спокойно стояла и паслась. И солнце закатилось за далекими холмами, но я зналъ, что на слѣдующій день оно опять взойдетъ.

ДИКІЯ ПЧЕЛЫ.

У открытаго окна сидѣла мать. До нея доносились голоса дѣтей, игравшихъ внизу подъ акаціями, а жаркій полуденный воздухъ все больше и больше наполнялъ комнату. Дикія пчелы со своими желтыми отъ цвѣточной пыли лапками то влетали въ комнату, то вылетали изъ нея, садились на вѣтки акацій и жужжали безъ умолку. Она сидѣла на низкомъ креслѣ передъ столомъ и что-то чинила. Изъ корзинки, стоявшей передъ ней, она достала свою работу, часть ея упала на колѣна и на половину закрыла лежавшую передъ ней книгу. Она шила и слѣдила за движеніемъ своей иголки и, наконецъ, монотонное жужжаніе пчелъ и шумъ дѣтскихъ голосовъ въ ея ушахъ слились въ одинъ неясный шепотъ, а иголка стала двигаться все медленнѣе и медленнѣе. И пчелы, тѣ длинноногіе осоподобные трутни, которые не дѣлаютъ меду, все ближе и ближе подлетали къ ея головѣ съ громкимъ жужжаніемъ. Отяжелѣвъ отъ сна, она положила на край стола свою руку, съ натянутымъ на нее чулкомъ, а на руку голову. Голоса дѣтей на дворѣ казались ей то близ-

кими, то далекими и все больше и больше сливались въ ея ушахъ; потомъ они совсѣмъ перестали доноситься до нея, и мать стала только ощущать своего девятаго ребенка, лежавшаго у нея подъ сердцемь. Пчелы продолжали летать у нея надъ головой, а она, склонившись впередъ, спала, и волшебный сонъ проносился передъ нею.

Ей снилось, что пчелы все вытягивались и вытягивались и, наконецъ, превратились въ человѣческія существа, которыя все время кружатся около нея. И одна изъ нихъ приблизилась къ ней и сказала ей: «Дай мнѣ положить свою руку на то мѣсто, гдѣ лежитъ твой ребенокъ. Если я дотронусь до него—онъ будетъ такой-же, какъ я».

Мать спросила:—кто ты?

— Я—Здоровье,—сказала она.—До кого я дотрагиваюсь, у того по жиламъ пробѣгаетъ веселая красная кровь, тотъ не знаетъ ни усталости, ни боли, для того вся жизнь — радость безъ печали, веселый безпрерывный смѣхъ.

— Нѣтъ, сказала другая, дай мнѣ дотронуться до ребенка, ибо я—Богатство. Если я коснусь его, онъ будетъ избавленъ отъ всѣхъ матеріальныхъ заботъ. Онъ будетъ жить силами и кровью своихъ собратьевъ, если онъ захочетъ; и все, что соблазнитъ его взоры, будетъ у него въ рукахъ. Онъ не будетъ знать, что значитъ нуждаться.— И она замолкла; но дитя лежало все также тихо и безъ движенія.

И третья сказала: «Дай мнѣ коснуться дитяти. Я—Слава. Я веду человѣка на высокій холмъ, гдѣ всѣ люди могутъ видѣть его. Когда онъ умираетъ, его не забываютъ, имя его гремитъ столѣтія, оно переходитъ изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію. Подумай только—не быть забытымъ въ теченіи вѣковъ!»

И мать продолжала спокойно и ровно дышать во снѣ, но фанстастическія видѣнія обступали ее со всѣхъ сторонъ.

— «Позволь мнѣ дотронуться до дитяти,—сказала еще одна изъ нихъ! Я—Любовь. Если я трону его, онъ не будетъ проходить одинъ по своему жизненному пути. Въ дни безпросвѣтной тьмы, когда онъ протянетъ свою руку за помощью, онъ встрѣтитъ другую руку, которая поддержитъ и ободритъ его. И, если всѣ будутъ противъ него, найдется душа, которая скажетъ ему: я съ тобой». И дитя дрогнуло въ утробѣ матери.

Но явилось еще одно и сказало: «Дай мнѣ дотронуться, ибо я—Талантъ. Я могу сдѣлать все, что уже было сдѣлано. Я награждаю воина и государственнаго дѣятеля, мыслителя и политика, имѣющихъ успѣхъ, и писателя никогда не идущаго впереди своего времени и никогда не отстающаго отъ него. Если я коснусь ребенка—ему никогда не придется жаловаться на неудачу». Пчелы летали надъ головой матери, почти задѣвая ее своими длинными тонкими лапками, а въ сновидѣніи ея изъ далекаго темнаго угла комнаты выступилъ новый призракъ съ блѣднымъ лицомъ, глубокими морщинками, впалыми щеками и дрожащей улыбкой на устахъ. Онъ протянулъ къ ней свою руку. И мать отшатнулась и вскричала: кто ты?

Онъ ничего не отвѣтилъ.

Она заглянула ему въ глаза и сказала: что можешь ты дать дитяти—здоровья?

Онъ сказалъ:—«Нѣтъ, въ жилахъ человѣка, котораго я трогаю, разгорается страшная лихорадка, пожирающая его кровь, какъ огонь. Лихорадка эта можетъ быть исцѣлена только тогда, когда будетъ исцѣлена жизнь.

— Ты даешь богатство?

Онъ покачалъ головой. «Когда человѣкъ, котораго я трону, наклонится, чтобы поднять съ земли золото, его внезапно отвлекаетъ огонь въ небѣ, и пока онъ обращаетъ свои взоры къ небу, золото выскользаетъ изъ его рукъ и иногда другой прохожій подхватываетъ его.

— Славу?

Онъ отвѣтилъ: «Нѣтъ. Для того, кого я трону, на пескѣ начертана стезя перстомъ невидимымъ, ни для кого. Онъ долженъ идти по этой стезѣ. Иногда она ведетъ почти къ самой вершинѣ и потомъ внезапно сворачиваетъ внизъ въ долину. Онъ долженъ идти по ней, хотя никто кромѣ него ея не видитъ».

— Любовь?

Онъ сказалъ: «Онъ будетъ жаждать любви, но не найдетъ ея. И когда онъ откроетъ ей свои объятія и захочетъ прижать ее къ себѣ... тогда далеко на горизонтѣ онъ увидитъ лучъ свѣта. Онъ пойдетъ къ нему. Но сокровища своего онъ не можетъ взять съ собой; онъ долженъ пускаться въ путь одинъ. Или когда, прижимая къ своему пылающему сердцу дорогое существо, онъ воскликнетъ: «мое, мое, собственное» онъ услышитъ голосъ! Откажись отъ него, оно не твое».

— Онъ будетъ имѣть успѣхъ?

Онъ сказалъ: «онъ будетъ терпѣть неудачу. Когда онъ будетъ преслѣдовать какую-нибудь цѣль вмѣстѣ съ другими, другіе достигнутъ этой цѣли раньше него. Ибо странные голоса будутъ призывать его и чудный свѣтъ будетъ манить его къ себѣ; и онъ долженъ будетъ слушать и ждать. Но самое удивительное вотъ что: далеко, далеко, за жгучими песками, тамъ, гдѣ другіе люди не видятъ ничего, кромѣ пустынныхъ пространствъ, онъ уви-

дитъ синее море. Надъ этимъ моремъ солнце вѣчно сіяетъ, воды его сини, какъ ясное небо, а на берегахъ играетъ бѣлая пѣна. Большая страна возвышается среди этого моря, и на вершинахъ ея горъ онъ увидитъ сверкающее золото!»

Мать спросила:—И онъ достигнетъ этой страны?

Онъ странно улыбнулся.

Она спросила: существуетъ ли она въ дѣйствительности?

Онъ сказалъ: «что же *существуетъ* въ дѣйствительности?

И она посмотрѣла въ его полуоткрытые глаза и сказала «дотронься».

Онъ нагнулся, положилъ свою руку на спящую мать и что-то тихо прошепталъ. Она могла разслышать только слова: «*Наградой твоей будетъ то, что идеалъ для тебя будетъ дѣйствительностью*».

И дитя подъ сердцемъ матери дрогнуло. Мать продолжала спать тѣмъ же тяжелымъ сномъ, но видѣнія ея исчезнули. И въ глубинѣ, въ самыхъ нѣдрахъ ея существа еще неродившееся дитя ея увидѣло сонъ. Въ его глазахъ, никогда не видавшихъ дневного свѣта, въ его еще неготовомъ мозгу мелькнуло ощущеніе свѣта, свѣта, котораго оно никогда не видало, и можетъ быть, никогда не увидитъ, но который *есть* гдѣ-то!

И дитя получило свою награду: идеалъ сдѣлался для него дѣйствительностью.

Въ развалинахъ часовни.

Четыре голыя стѣны; на нихъ изображенія Христа, несущаго свой крестъ, божественный Младенецъ съ полустертыми чертами, Пресвятая Дѣва въ синемъ и красномъ, римскіе солдаты и еще Христосъ со связанными руками. Крыша ея провалилась и надъ головой открытое небо, синее итальянское небо; дождь проточилъ дыры въ стѣнахъ, а штукатурка съ нихъ такъ и обваливается. Часовня стоитъ одиноко, высоко, надъ самымъ концомъ мыса, и днемъ и ночью морскія волны разбиваются у ея подножія. Одни говорятъ, что она выстроена здѣсь монахами, живущими тамъ внизу на островѣ, чтобы они могли приносить сюда своихъ тяжко-больныхъ. Другіе — что проходившіе по большой дорогѣ монахи и странники выстроили ее здѣсь, чтобы имѣть пристанище и молитвенное мѣсто. Но нынче никто больше не останавливается въ часовнѣ для молитвы, и больныхъ сюда больше не приносятъ для исцѣленія.

За часовней пролегаетъ старая римская дорога. Если вы взберетесь сюда совсѣмъ одни и сядете тутъ въ жар-

кій, солнечный день, вамъ покажется, что вы слышите шаги римскихъ солдатъ по мостовой, бряцаніе ихъ оружія и звуки тѣхъ далекихъ временъ, когда Аннибалъ со своими войсками ломился сквозь чащу и здѣсь еще не было никакого пути. Нынче здѣсь полная тишина. Коекогда вы услышите шаги мула по камнямъ мостовой— это крестьянская дѣвушка проѣзжаетъ верхомъ, сидя между своими корзинами; или увидите старую женщину, проходящую со своимъ узелкомъ на головѣ, или человѣка со страшнымъ разбойничьимъ лицомъ и дубиной въ рукѣ, поспѣшно проходящаго по дорогѣ. Но за всѣмъ тѣмъ часовня здѣсь стоитъ одиноко; съ обѣихъ сторонъ ея морскіе заливы и она прислушивается къ прибою моря у ея подножія.

Я пришла сюда однажды въ зимній день, когда полуденное солнце жарко пекло по старой мостовой. Я утомилась, и дорога казалась мнѣ крутой. Я вошла въ часовню, подошла къ разрушенному окну и стала смотрѣть въ море. Далеко, далеко за синими водами залива виднѣлись города и деревни, разсѣянные бѣлыми и красными пятнами по зеленымъ склонамъ горъ, а горныя вершины подымались въ самое небо и то появлялись, то скрывались за облаками. Мнѣ казалось, что вершины эти манятъ меня къ себѣ, но я знаю, что никогда никакой мостъ не соединитъ меня съ ними, никогда, никогда! И я закрыла глаза рукой и отвернулась отъ нихъ. Видъ ихъ былъ невыносимъ для меня.

Я прошлась по развалинамъ часовни, взглянула на Христа, несущаго свой крестъ, на божественнаго Младенца, римскихъ солдатъ, на ихъ сложенныя руки и вышла на открытую паперть, гдѣ сѣла на камень. У ногъ моихъ была маленькая бухта и рядъ бѣлыхъ домиковъ,

тонувшихъ въ зелени оливковыхъ деревьевъ, а бѣлая пѣна волнъ длинной узкой лентой окаймляла берегъ, и, усталая, я облокотилась на колѣна. Я страшно устала— усталость моя казалась мнѣ древнѣе дневного жара, древнѣе солнцепека на камняхъ старой римской дороги, и я положила голову на колѣна и, прислушиваясь къ прибою волнъ 300 футовъ подо мною и къ шуму вѣтра въ оливковыхъ вѣтвяхъ и старыхъ сводахъ, я заснула. И мнѣ приснился сонъ:

Человѣкъ взывалъ къ Богу и Богъ ниспослалъ къ нему на помощь Ангела; и ангелъ вернулся и сказалъ:

«Я не могу помочь этому человѣку».

Богъ сказалъ: «что ему нужно?»

Ангелъ отвѣтилъ: «онъ убивается и кричитъ безъ умолку, что кто-то его обидѣлъ и что онъ хотѣлъ бы, да не можетъ простить обидчика».

Богъ сказалъ: «что сдѣлалъ ты для него»?

Ангелъ отвѣтилъ: «Я сдѣлалъ все. Я взялъ его за руку и сказалъ ему: слушай, когда будутъ говорить объ этомъ человѣкѣ дурно, говори о немъ хорошо; втайнѣ незамѣтнымъ для него образомъ помогай ему, гдѣ можешь; дѣлись съ нимъ въ томъ, что у тебя есть самаго драгоцѣннаго, и постепенно, служа ему такимъ образомъ, ты почувствуешь, что обрѣлъ его душу и что ты простилъ его». И человѣкъ сказалъ «хорошо, я сдѣлаю это». Но потомъ въ одну темную ночь я опять услышалъ его вопли: «Я сдѣлалъ все. Ничто не помогаетъ. Мнѣ не легче оттого, что я говорю о немъ одно добро. И хотя бы я пролилъ свою собственную кровь за него, я не могу погасить ненависть въ своемъ сердцѣ. Я не могу простить, о Боже, не могу, не могу».

Тогда я сказалъ ему: «Посмотри сюда, оглянись на

свое прошлое, начиная съ самаго дѣтства, посмотри на мелочность и несправедливость свою, всмотрись хорошенько во всѣ ошибки и недостатки свои и развѣ при свѣтѣ твоей собственной жизни ты не увидишь брата во всякомъ другомъ человѣкѣ? Развѣ ты самъ такъ безгрѣшенъ, что имѣешь право ненавидѣть»?

И онъ посмотрѣлъ и сказалъ: «да, ты правъ, я тоже грѣшилъ и я прощаю собрата. Довольно, ступай—простилъ». И онъ спокойно легъ и сложилъ на грудь руки, и я думалъ, что теперь онъ нашелъ миръ своей душѣ. Но не успѣлъ я взмахнуть крыльями, чтобы подняться на небеса, какъ я снова услыхалъ на землѣ вопли. «я не могу простить, о Боже, не могу! Лучше умереть, чѣмъ ненавидѣть. Я не могу простить»!

И я приблизился къ его жилищу и во мракѣ всталъ за его дверью и слышалъ, какъ онъ продолжалъ кричать:

«Я тоже грѣшилъ, но не такъ. Если я когда-нибудь наносилъ собрату малѣйшую рану, я становился передъ нимъ на колѣна и цѣловалъ его рану до тѣхъ поръ, пока она не заживала. Я не могъ допустить, чтобы чья-нибудь душа погибла изъ ненависти ко мнѣ. И если кто-нибудь только воображалъ себѣ, что я оскорбилъ его, я передъ нимъ падалъ ницъ, чтобы онъ могъ топтать меня ногами и, такимъ образомъ, видя все мое униженіе, могъ бы простить меня и не губить свою душу. Но о моей душѣ никто не заботился, никто не хотѣлъ спасти меня отъ погибели и не дѣлалъ ни одного шага, дабы я могъ простить его».

Я сказалъ ему: «Послушай, успокойся. Если ты не можешь, *то и не прощай* своего обидчика, но забудь о немъ и о его обидѣ, забудь объ этомъ и живи по прежнему. Можетъ быть въ будущей жизни»...

Онъ вскричалъ: «Оставь меня, что для меня будущая жизнь! Я погибаю теперь, сейчасъ. Я не могу видѣть солнечнаго свѣта, глаза мои полны пыли и глотка полна песку. Оставь меня, о, еслибъ я могъ видѣть хоть еще одинъ разъ въ жизни, какъ прекрасенъ Божій міръ! Господи, Господи! Я не могу жить не любя, не могу жить ненавидя»!

Итакъ, я оставилъ его въ вопляхъ и стенаніяхъ и вернулся къ тебѣ, Господи.

И Господь сказалъ: «Душа этого человѣка должна быть спасена».

Ангелъ спросилъ: «какъ спасти ее»?

Богъ сказалъ: «Вернись на землю и спаси ее»!

Ангелъ спросилъ: «Что же мнѣ дѣлать»?

И Господь наклонился къ ангелу и что-то шепнулъ ему на ухо, и Ангелъ распустилъ свои крылья и спустился на землю.

И я было проснулась, сидя на камнѣ съ опущенной на колѣна головой, но я была не въ силахъ подняться. Я слышала, какъ вѣтеръ пробѣгалъ по вѣтвямъ оливковыхъ деревьевъ и подъ сводами развалинъ—и опять заснула.

И Ангелъ вернулся на землю, нашелъ человѣка съ ожесточеннымъ сердцемъ, взялъ его за руку и повелъ на одно мѣсто.

И человѣкъ не зналъ, ни куда ведетъ его Ангелъ, ни что онъ хочетъ показать ему. Когда же они пришли, то Ангелъ закрылъ своимъ крыломъ лицо человѣка, и когда онъ отвелъ крыло, человѣкъ увидѣлъ что-то передъ собой на землѣ. Богъ далъ Ангелу власть разоблачать человѣческую душу и снимать съ нея всѣ тѣ внѣшніе аттрибуты формы, цвѣта, возраста и пола, которые отличаютъ

одного человѣка отъ всѣхъ остальныхъ его собратьевъ, и душа эта теперь лежала передъ нимъ такой же обнаженной, какой человѣкъ видитъ ее, когда онъ обращаетъ внутрь себя взоры.

И они увидѣли предъ собой все ея прошлое: крошечную зарождающуюся жизнь и дѣтство съ его нѣжнымъ пушкомъ невинности, видѣли, какъ пушокъ этотъ мало по малу пропадалъ и наступала юность, и какъ молодая жизнь жадными губами припала къ великой чашѣ жизни, и какъ вода изъ нея полилась черезъ край; они увидѣли всѣ несбывшіяся надежды и тѣ заблужденія ума и сердца, которыя людьми называются грѣхомъ, и тѣ минуты внутренняго просвѣтленія, которыя людьми называются правдой, дни ея могущества и силы, когда, воспрянувъ, она восклицала: «я всесильна!» и дни малодушія и слабости, когда она падала на землю и распростертая лежала въ прахѣ; они увидѣли все, чѣмъ могла сдѣлаться эта душа, но чѣмъ она никогда не сдѣлается.

И человѣкъ поникъ головою.

Ангелъ спросилъ его: «Что это?»

Человѣкъ отвѣтилъ: «это я, это я самъ». И онъ сдѣлалъ движеніе, какъ будто хотѣлъ прижать къ себѣ эту душу, но Ангелъ удержалъ его и закрылъ его очи.

Богъ далъ также Ангелу власть снимать съ души тѣ внѣшніе аттрибуты времени, пространства и обстоятельствъ, которые отличаютъ одну отдѣльнук человѣческую жизнь отъ жизни всей вселенной.

И Ангелъ снова раскрылъ человѣку глаза и человѣкъ прозрѣлъ.

И онъ увидѣлъ передъ собой то, что въ одной маленькой каплѣ отражаетъ весь міръ, движеніе самыхъ далекихъ звѣздъ въ небесномъ пространствѣ и ростъ кри-

сталловъ въ глубинѣ земли, куда не заглядывало око; то, что животворитъ зародышъ въ яйцѣ и приводитъ въ движеніе крошечные пальчики новорожденнаго младенца, что даетъ жизнь каждому листочку и цвѣтку, и что пребываетъ одинаково въ глубинѣ необъятнаго моря, и на свѣтлой его поверхности, и на горныхъ вершинахъ, покрытыхъ лишаемъ да мхомъ, и въ душѣ человѣка.

И человѣкъ погрузился въ созерцаніе. Но Ангелъ коснулся его своимъ крыломъ, и человѣкъ низко наклонилъ голову и прошепталъ съ благоговѣйнымъ трепетомъ: «Это Богъ.»

И Ангелъ закрылъ глаза человѣка. Когда же онъ снова открылъ ихъ, то человѣкъ увидѣлъ, что кто-то проходилъ мимо нихъ. Это была душа, облеченная во внѣшнюю форму и принявшая образъ человѣка, ибо Ангелу дана Богомъ власть облекать, какъ и разоблачать, души; и человѣкъ узналъ проходившаго.

И Ангелъ спросилъ его: «знаешь ли ты, кто это?»

Человѣкъ отвѣтилъ: «я знаю его», и онъ смотрѣлъ ему во слѣдъ.

Ангелъ спросилъ: «простилъ ли ты его?»

Человѣкъ только сказалъ: «какъ прекрасенъ братъ мой.»

И Ангелъ заглянулъ человѣку въ глаза и закрылъ свой собственный ликъ—свѣтъ, исходившій изъ этихъ глазъ, ослѣпилъ его. И онъ тихо засмѣялся и вернулся къ Богу.

А оба человѣка на землѣ стали братьями.

И я проснулась.

Надо мной синее, синее небо, а далеко внизу волны прибиваютъ къ берегу. Я прохожу въ часовню, смотрю на Мадонну въ синемъ и красномъ, на Христа, несущаго

крестъ, римскихъ солдатъ и божественнаго Младенца съ полустертыми чертами, и по крутой тропинкѣ спускаюсь на большую мостовую. Съ обѣихъ сторонъ стоятъ оливковыя деревья съ ихъ темными плодами и свѣтлыми листьями, а изъ щелей каменной стѣны выглядываютъ крошечные подснѣжники. Мнѣ кажется, что пока я спала, дождь освѣжилъ всю природу. Мнѣ чудится, что никогда еще я не видѣла небо и землю такими прекрасными.

Я спускаюсь по дорогѣ, и прежнее чувство усталости и дряхлости совершенно покинуло меня.

Вотъ по тропинкѣ сверху спускается крестьянскій мальчикъ; онъ погоняетъ осла, къ бокамъ котораго привязаны двѣ большія корзины; онъ выходитъ на дорогу и идетъ впереди меня. Я никогда не видѣла его прежде. Но мнѣ хочется идти рядомъ съ нимъ и взять его за руку—только онъ не понялъ бы, почему я это дѣлаю.

ДАРЫ ЖИЗНИ.

Я видѣлъ спящую женщину. Ей снилось, что передъ ней стоитъ Жизнь и въ каждой рукѣ держитъ по одному дару, въ одной—любовь, въ другой—свободу. И Жизнь сказала женщинѣ: выбирай. Долго выбирала женщина, и наконецъ, сказала: свободу.

И Жизнь сказала ей: ты хорошо выбрала. Еслибъ ты сказала Любовь, я дала бы тебѣ то, о чемъ ты просила и ушла-бъ отъ тебя и больше никогда-бъ не вернулась. Но теперь настанетъ день, когда я вернусь къ тебѣ. Въ этотъ день ты найдешь оба дара вмѣстѣ въ одной рукѣ.

Я слышалъ, какъ женщина радостно засмѣялась во снѣ.

ТАЙНА ХУДОЖНИКА.

Однажды жилъ художникъ и онъ нарисовалъ картину. У другихъ живописцевъ краски были богаче и изысканнѣе, картины ихъ были искуснѣе. Онъ же писалъ все одной краской — это была необыкновенная, чудесная краска. И люди приходили къ нему одни за другими и всѣ восклицали въ восторгѣ: «Какъ хороша картина, какъ великолѣпна краска»!

Приходили къ нему и художники и съ изумленіемъ спрашивали другъ друга: «откуда беретъ онъ свою краску»? Они спрашивали объ этомъ и его, но онъ только улыбался и отвѣчалъ имъ: «Я не могу сказать вамъ этого», и продолжалъ свою работу, низко опустивъ голову.

И одинъ изъ его товарищей поѣхалъ на дальній Востокъ, купилъ драгоцѣнныя красящія вещества и приготовилъ изъ нихъ чрезвычайно рѣдкую краску, но прошло немного времени, и картина его выцвѣла. Другой сталъ

изучать древнія книги и сдѣлалъ еще болѣе рѣдкую и дорогую краску, но когда онъ употребилъ ее для своей картины, то она оказалась безжизненной.

А художникъ все рисовалъ и рисовалъ. Картина его становилась все ярче и ярче, а онъ дѣлался все блѣднѣе и блѣднѣе. Наконецъ, его нашли мертвымъ передъ его картиной, и его подняли, чтобы похоронить его останки. Товарищи его съ любопытствомъ стали заглядывать во всѣ стклянки и горшки съ красками, но они не нашли въ нихъ ничего, такого чего бы не было и у нихъ.

И, когда они раздѣли его, чтобы облечь его въ погребальное платье, они нашли на груди его, прямо противъ сердца, слѣдъ старой раны. Это вѣрно была очень старая рана, не заживавшая у него во всю его жизнь, ибо края ея были толсты и тверды; но смерть, которая накладываетъ свою печать на все, къ чему ни прикоснется, стянула края и закрыла рану.

И художника похоронили. Но люди все продолжали спрашивать себя: «откуда взялъ онъ эту дивную краску»?

И случилось такъ, что спустя нѣкоторое время художника забыли; но произведеніе его живетъ и понынѣ.

Мнѣ снилось, что я стою передъ Богомъ.

I.

Мнѣ снилось, что я стояла передъ престоломъ Всевышняго и Господь спросилъ меня, зачѣмъ я пришла? Я сказала, что пришла обвинить брата моего—мужчину.

И Господь спросилъ меня: «Что сдѣлалъ онъ»?

Я отвѣтила: «Онъ взялъ сестру мою, женщину, связалъ ее, нанесъ ей тяжкія раны и выбросилъ ее на улицу; тамъ она и лежитъ распростертая. Я пришла обвинить его и просить Тебя, Господи, чтобы власть была отнята у него и передана мнѣ, ибо руки его въ крови и онъ не достоинъ власти. Мои же руки чисты.

И я показала свои руки.

Богъ сказалъ: «Руки твои чисты. Приподыми свое платье».

И я приподняла платье, ноги мои были красны, такъ красны, какъ будто я ходила въ крови.

Господь спросилъ меня: «Что это»?

Я сказала: «Господи, всѣ улицы на землѣ полны грязи. Если бы я шла прямо по нимъ, я бы запачкала свое платье, а Ты видишь какое оно бѣлое! И потому я осторожно ступаю по...».

«*По чемъ ступаешь ты?*»—спросилъ меня Господь.

И я замолчала и опустила свое платье. И, закутавшись съ головой въ плащъ, я потихоньку вышла. Я боялась, чтобы меня не увидѣли Ангелы.

II.

И вновь я стояла передъ вратами Царства Небеснаго, и со мной была еще другая женщина. Мы крѣпко держались другъ за друга, обѣ мы страшно устали.

Взоры наши были устремлены на врата, и Ангелы открыли ихъ и впустили насъ. Наши платья были забрызганы грязью. Мы пошли по мраморнымъ плитамъ и приблизились къ трону. Здѣсь Ангелы разлучили насъ. Женщину, пришедшую со мной, они повели на верхнюю ступень, меня же оставили внизу, ибо они сказали: «Прошлый разъ, когда приходила сюда эта женщина, она за собой оставила кровавые слѣды своихъ ногъ; мы должны были смывать эти слѣды нашими слезами. Пусть она останется внизу».

Тогда пришедшая со мной женщина оглянулась на меня и протянула ко мнѣ руки и я подошла къ ней и

встала рядомъ съ ней. И Ангелы, свѣтлые Ангелы, никогда не грѣшившіе и не страдавшіе въ жизни, то поднимались, то опускались подлѣ насъ, то удалялись, то приближались къ намъ; я думаю, что не будь мы здѣсь вмѣстѣ обѣ женщины, мы почувствовали бы себя одинокими среди нихъ, такъ свѣтлы, такъ лучезарны были они!

И Господь споосилъ меня: «Зачѣмъ я пришла сюда»? Я выдвинула впередъ сестру свою, дабы Господь могъ увидѣть ее, и Онъ сказалъ: «Какъ случилось, что вы здѣсь вмѣстѣ сегодня»?

Я отвѣтила: «Она лежала распростертая на улицѣ и всѣ топтали ее ногами; я нагнулась къ ней, и она обняла мою шею, и тогда я подняла ее и мы встали вмѣстѣ.

Богъ спросилъ: «Кого обвиняете Вы теперь»?

Я сказала: «Мы никого не обвиняемъ».

Господь наклонился къ намъ и сказалъ: «Дѣти мои, чего же хотите вы»?

И стоявшая подлѣ меня, сестра моя, потянула меня за руки, дабы я говорила за насъ обѣихъ.

И я сказала: «Мы пришли молить Тебя, о Господи, чтобы Ты велѣлъ намъ передать что-нибудь нашимъ братьямъ, мужчинамъ, дабы исправились сердца ихъ, дабы они уразумѣли...».

И Богъ сказалъ: «Идите съ миромъ и передайте имъ волю вашего Отца Небеснаго».

Я спросила: «Но въ чемъ же воля Твоя»?

«Она написана въ сердцахъ вашихъ,—сказалъ Господь—передайте ее вашимъ братьямъ».

И мы повернули къ выходу, Ангелы пошли вмѣстѣ съ нами. Они пристально смотрѣли на насъ. И одинъ изъ Ангеловъ сказалъ: «Какъ прекрасно одѣяніе ихъ»!

«Когда онѣ вошли, мнѣ казалось, что онѣ покрыты грязью, сказалъ другой, но теперь, смотрите, это золото»!

«Нѣтъ,—сказалъ третій Ангелъ, это свѣтъ, исходящій отъ нихъ»!

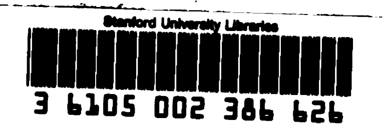
И мы вернулись къ нашимъ братьямъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

		стр.
1)	Потерянная радость	5
2)	Охотникъ (изъ исторіи Африканской фермы) .	11
3)	Среди райскихъ садовъ	25
4)	Въ далекомъ мірѣ	27
5)	Три сновидѣнія въ пустынѣ	31
6)	Дикія пчелы (изъ письма къ другу)	41
7)	Въ развалинахъ часовни	47
8)	Дары жизни	56
9)	Тайна художника	57
10)	Мнѣ снилось, что я стою передъ Богомъ . . .	59

Сказки эти напечатаны въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были написаны авторомъ.

DATE DUE

Цѣна 25 коп.